

ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ.

У 272
975
ВЫПУСКЪ 10-Й. Сб.

ВОЙНА СЪ ТЕКИНЦАМИ.

Очеркъ Константина Абазы.

Съ 3-мя рисунками.

1888 г.

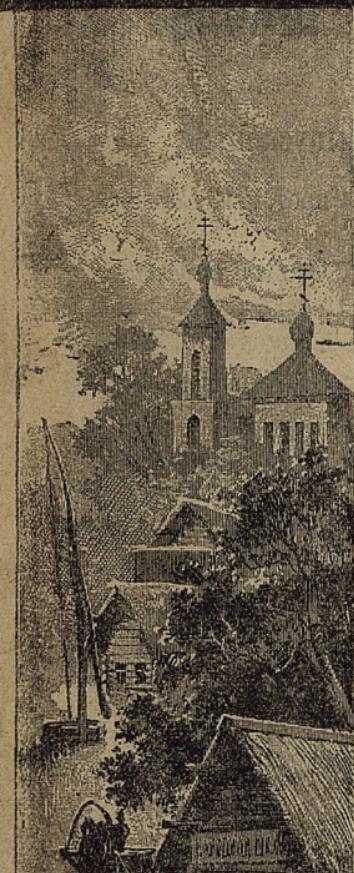
„ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“

ВЫХОДИТЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ

подъ редакціей Екатерины Сысоевой и Алексѣя Альмедингена.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

52 выпуска съ дост. и перес. 3 р., безъ дост. 2 р.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНЛА „РОДНИКА“

ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ

1888 г.

ВЫПУСКЪ 10-й.

Годъ I.

272

975

ВОЙНА СЪ ТЕКИНЦАМИ.

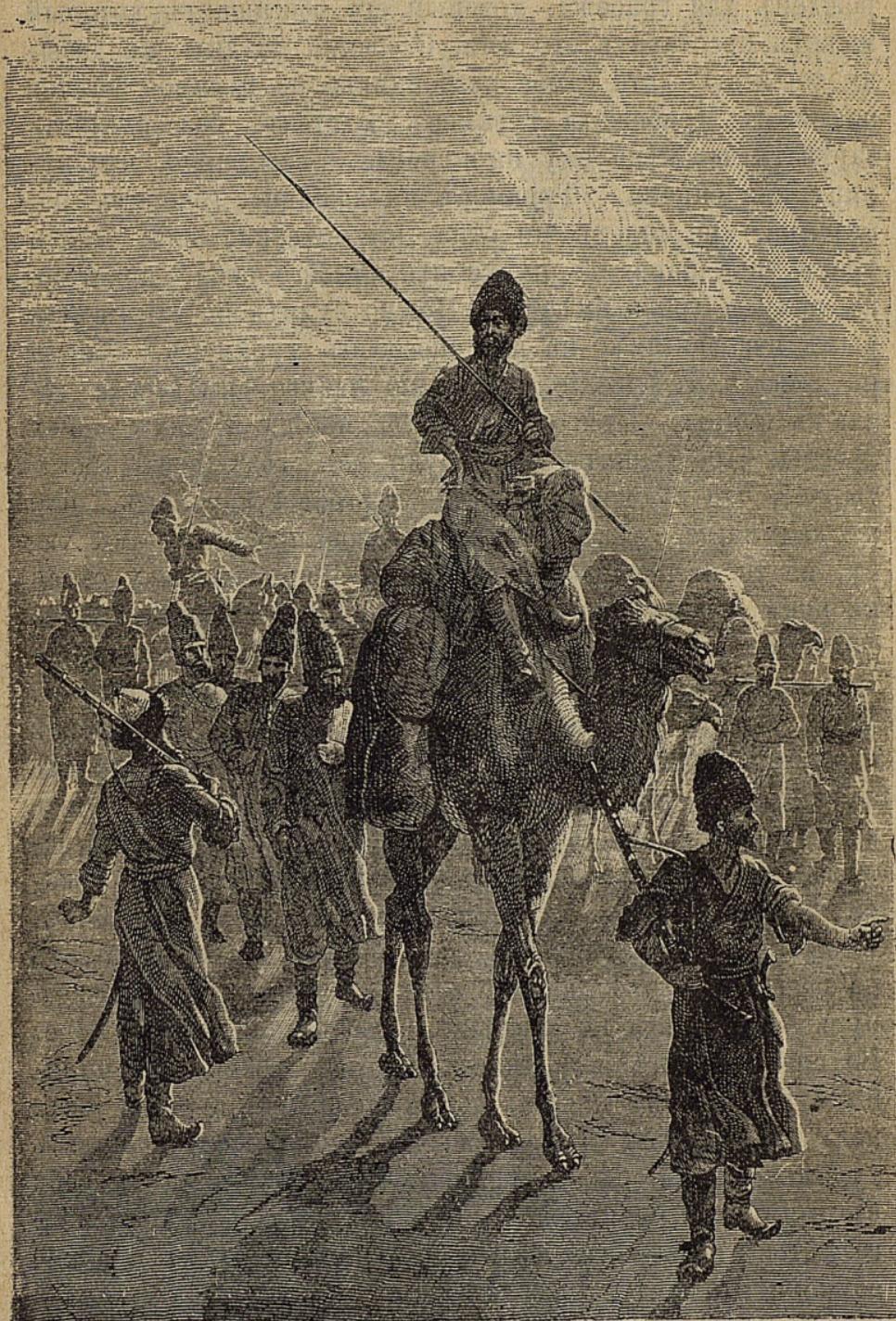
У нынѣшихъ турокъ есть за Каспіемъ бѣдные родичи, которыхъ зовутъ туркменами. Между турками и туркменами большая разница: турки народъ мирный и добрый; туркмены — разбойники; турки давно уже живутъ, какъ народъ осѣдлый; туркмены переходятъ съ мѣста на мѣсто (кочуютъ), укрываясь отъ зноя и дождя въ своихъ кибиткахъ — такъ называются круглые войлочные палатки нашихъ кочевниковъ.

Лѣтъ 400 тому назадъ туркамъ посчастливилось занять богатѣйшія земли греческихъ царей; туркмены же остались при той же, Богомъ обиженнѣй, пустынѣ. И тянется эта пустыня верстъ на 600 въ длину, съ запада на востокъ, да почти столько же въ ширину — гдѣ немнога шире, гдѣ ужѣ. Почва тамъ больше песчаная, на которой растетъ чахлое дерево, подъ названіемъ саксаулъ и трава гребенщикъ. Если же не песокъ, то — глина: твердая гладкая, какъ будто нарочно набитая и укатанная. Ранней весной она покрывается густою травкой, но уже въ маѣ эта трава такъ усыхаетъ, что ломается вѣтромъ и перегоняется съ мѣста на мѣсто, пока не изотрется въ пыль. Воды тамъ мало; лишь изрѣдка попадаются колодцы, и то очень глубокіе; маленькия степныя рѣчки, вытекающія изъ горъ Копетъ-дагъ, рано пересыхаютъ. Даже волковъ нѣть. Сайгаки и дикие ослы попадаются только близъ морскихъ береговъ, да у русла тѣхъ же пересохшихъ рѣчекъ. Главное богатство туркмена — его лошадь. Онъ ее кормить, холитъ, наѣзжаетъ и пріучаетъ переносить трудности

дальнихъ походовъ. Въ такую ужасную пору, когда солнце прожигаетъ насквозь, туркменъ укутываетъ свою лошадь въ войлочныя одѣяла, отчего она не теряетъ того поджааго вида, какимъ отличаются англійскіе скакуны, сохраняетъ легкость и быстроту бѣга. Туркменская лошадь способна нестись нѣсколько дней, пробѣгая по 100 верстъ въ сутки, причемъ, кромѣ всадника, везетъ на спинѣ запасъ джугары (проса), а для хозяина — его провизію. Табуновъ туркмены не держать: у каждого мало-мальски зажиточнаго хозяина 3—4 лошади, которыхъ онъ держитъ на привязи недалеко отъ кибитки. Свой домашній скарбъ, кибитки, а также свои семьи туркмены перевозятъ на одногорбыхъ верблюдахъ или »нарахъ«, но попадаются и двугорбые. Безъ помощи этого вѣрнаго товарища или »корабля пустыни«, какъ его называли арабы, человѣкъ не могъ бы жить въ такой пустынѣ. Впрочемъ, нужно сказать, что въ туркменскихъ степяхъ есть уголки, покрытые зеленью, деревцами, орошаеыя особыми нарочито прокопанными канавками. Таковъ, напримѣръ, Ахалъ-текинскій оазисъ, верстъ за 350 отъ моря, гдѣ, благодаря обилію воды, дѣлаются даже посѣвы клевера, проса, пшеницы и кукурузы, гдѣ въ изобиліи растутъ арбузы, дыни. Жители этого уголка болѣе осѣдлы, чѣмъ ихъ собратья, остальные туркмены.

Въ селеніяхъ текинцевъ — такъ ихъ называютъ — попадаются глиняныя постройки; для обороны устроены крѣпости, также изъ глины. Главное ихъ поселеніе называется »Денгиль-тепе«, что означаетъ по-русски »Памятный холмъ«. Въ серединѣ крѣпости насыпанъ высокій курганъ, а чѣмъ онъ памятенъ — сами текинцы не вѣдаютъ. Говорятъ, будто здѣсь было разбито персидское войско.

Ближайшіе сосѣди туркменъ — персіяне, бухарцы и хивинцы, не въ мѣру трусливы, что всегда придавало большую смѣлость набѣгамъ туркменъ. Имъ случалось дѣлать набѣги за тысячу верстъ отъ своихъ поселеній. Вообще, туркмены отличные наѣздники, хорошия рубаки; ихъ кони легки, выносливы, и догнать разбойничью

Туркмены на кочевъѣ.

шайку такъ же трудно, какъ вѣтеръ пустыни. Туркменъ рожденъ для грабежа, который его обогащаетъ, который можетъ прославить его имя. Особенno жадны на добычу текинцы — это самое разбойничье, но и самое богатое племя. Въ грабежахъ туркменъ жестокъ, безсердченъ: зарѣзать человѣка ему ни по чемъ — все равно, что курицу или барана. »Туркменъ на лошади«, говорить пословица, »не знаетъ ни отца, ни матери«, или: »если врагъ твой нападетъ на кибитку твоего отца, пристань къ нему и грабь вмѣстѣ«. Можно судить по этимъ мудрымъ изреченіямъ, на что способенъ туркменъ, сѣвшій на лошадь. И близкіе, и дальніе набѣги они всегда дѣлаютъ конные. Приготовленія къ набѣгу у нихъ очень просты. Прослышишь кто-нибудь изъ »батырей« (богатырей), что вблизи проходитъ торговый караванъ, или же задумаетъ сдѣлать болѣе дальнюю прогулку — въ Хиву, не то на персидскую границу — и выставитъ у своей кибитки длинную пику, съ навѣшенной тряпкой вмѣсто флюгера. Ни ханъ, ни кто другой не можетъ это запретить, потому что ихъ ханы не имѣютъ никакой власти. Тогда всякий желающій принять участіе въ набѣгѣ вытикаетъ рядомъ съ пикой батыря свою пику, и когда ихъ наберется достаточно, объявляется мѣсто сбора, а также время выступленія. Туркмены очень дорожатъ тѣми изъ батырей, которые прославились удалью набѣговъ; эти воожаки хорошо знаютъ пустыню, расположение колодцевъ, умѣютъ скрытно подвести свою партію, лихо наскочить на беспечнаго противника, а въ случаѣ неудачи исчезнуть безъ слѣда въ пустынѣ, безбрежной, какъ море. Во время набѣга всѣ участники добровольно подчиняются начальнику партіи, но по возвращеніи домой онъ, получивши свою долю добычи, становится простымъ туркменомъ. Жены у туркменъ полныя хозяйствки у себя въ домѣ; онѣ очень работящи. Тѣ, которыхъ имѣютъ много дѣтей, пользуются большимъ уваженіемъ, что можно объяснить обычаемъ туркменъ не держать болѣе одной жены, какъ это водится у прочихъ мусульманъ. Зато же туркменки мало въ чёмъ уступаютъ мужьямъ: онѣ такъ же жестоки, храбры и даже мужественны. Однажды

персидский губернаторъ захватилъ въ плѣнъ знатнаго туркмена, по имени Шаваль-хана и приказалъ его разстрѣлять. Это было лѣтъ 20 назадъ. Въ слѣдующую затѣмъ зиму туркмены сдѣлали набѣгъ на персидскую границу, при чёмъ разграбили богатую деревню, многихъ ея жителей перерѣзали, а помѣщичьяго сына увлекли съ собою, въ надеждѣ получить за него хорошій выкупъ. Узнала объ этомъ жена Шаваль-хана, явилась къ батырю, который водилъ партію, и потребовала, чтобы тотъ отдалъ ей знатнаго плѣнника. Батыръ не согласился, и вдова пошла къ хану.

— Почему ты, женщина, считаешь плѣнника своимъ рабомъ? спросилъ у нея ханъ.

Вдова отвѣчала: »онъ персіянинъ. Моего мужа разстрѣляли персіяне, и я хочу отомстить за его смерть«.

— Женщина, ты права, сказалъ ханъ: — возьми персіянина.

Туркменка вырѣзала собственоручно у живого плѣнника сердце, а трупъ бросила собакамъ.

Во время первого штурма текинской крѣпости Денгиль-тепе, около десятка нашихъ конныхъ дагестанцевъ окружили текинку, которая вела въ поводу верблюда, нагруженного ея имуществомъ. Завидя это, къ ней подѣхалъ офицеръ и сказалъ по-татарски:

— Ты не бойся, иди своей дорогой, эти люди не сдѣлаютъ тебѣ ничего худаго. — Текинка, приподнявъ голову, гордо спросила: »чего мнѣ бояться? Я и не боюсь ихъ!« и продолжала свой путь. Другая текинка сидѣла во время штурма на краю канавы, съ оторванной ногой, и палила изъ пистолета въ проходившихъ мимо драгунъ.

О силѣ и отвагѣ туркменъ можно судить по тому, что однажды они разбили персидскую армію въ 10 тысячъ человѣкъ, при чёмъ захватили 33 пушки. Во время хивинскаго похода туркмены встрѣчали и провожали русскіе отряды, неотвязчиво преслѣдую ихъ днемъ и ночью. Персіяне, послѣ ряда неудачъ, покинули надежду когда-нибудь унять этихъ разбойниковъ.

Русскіе, занявши восточное побережье Каспійскаго моря, прежде всего принялись за ближайшія кочевья.

Съ ними сладили безъ труда, но текинцы, какъ болѣе дальниe, считали себя неприступными; они точно насмѣхались надъ силою русскихъ. Наши плѣнныe не переводились: то схватятъ солдата, то поймаютъ на берегу рыболова. Текинцы угоняли скотъ, верблюдовъ, нападали на мирныхъ туркменъ.. Болѣе всего казалось постыднымъ выкупать своихъ плѣнныхъ, а если ихъ во время не выкупить, то текинцы обращались съ ними самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, особенно съ тѣми, которые пытались бѣжать. Вотъ что рассказывалъ побывавшій въ плѣну русскій солдатъ Цивашевъ:

— 7 октября 1878 года я съ шестью товарищами отправились на трехъ верблюдахъ, безъ ружей, за сѣномъ. Это было рано утромъ. Только что мы начали рвать траву, какъ изъ-за бугра выскочили пять доброконныхъ туркменъ, съ ружьями и шашками. Мы пустились бѣжать, но туркмены скоро насы догнали, сбили въ кучу и погнали въ горы. Мы не шли, а бѣжали; кто отставалъ, того били нагайками. Канониръ Макаровъ скоро совсѣмъ присталъ. Тогда одинъ изъ туркменъ снесъ ему шашкой голову, затѣмъ слѣзъ съ коня, стащилъ съ Макарова сапоги да еще раза три пырнуль его ножомъ. Такимъ манеромъ гнали насы до самаго вечера, пока не остановились у какой-то рѣчки напоить лошадей. Отсюда погнали дальше, на всю ночь, какъ есть до разсвѣта. Опять остановились у рѣчки, напекли въ золѣ лепешекъ и, проглотивши ихъ, тронулись дальше. Когда солнце поднималось на обѣдъ, мы уже вступали въ аулъ Кара-кала, гдѣ пробыли цѣлые сутки. На другой день, отойдя отъ аула съ версту, туркмены остановились, заставили насы раздѣться и разобрали нашу одежду: мы остались въ одномъ бѣльѣ, безъ сапогъ. Послѣ этого подѣлили насы между собой; меня съ Петинымъ два туркмена погнали влѣво; остальныхъ товарищѣй погнали вправо. Больше мы съ ними не видѣлись.

Мы то поднимались въ горы, то спускались внизъ; то бѣжали по каменистому грунту или же вязли въ пескѣ. У меня и Петина ноги распухли, покрылись ранами. Видно, нашихъ хозяевъ взяла жалость, потому что

они перестали стегать насъ нагайками. Почти въ такую же пору, какъ и третьяго дня, мы подошли къ какой-то ихней крѣпости. Сейчасъ собрался народъ, окружили насъ, стали раздѣвать, бить, толкать, плевали въ глаза или кидали навозомъ въ лицо. И эти надругательства не прекращались до самой ночи. Потомъ насъ съ Петинымъ развели по разнымъ кибиткамъ: онъ пошелъ къ своему хозяину, а я къ своему. Мой хозяинъ сейчасъ же заковалъ меня въ желѣзныя путы, каждое въ 15 или 20 фунтовъ вѣсу, и приказалъ ложиться спать. Его звали Куль-Ильды. Онъ былъ очень бѣдный человѣкъ: ничего не имѣлъ кромѣ кибитки и коня; жена у него была лѣтъ 25-ти, собой некрасивая, а дѣтей двое — мальчикъ да дѣвочка. На другой же день меня послали собирать на топливо колючку и носить воду. Ходить приходилось босикомъ; голову обрили, дали какую-то шапку да трепаный халатъ. И Петина такъ же вырядили. Недѣли черезъ двѣ пришли къ моему хозяину старики, что-то переговорили между собой, потомъ пристали ко мнѣ, чтобы я перемѣнилъ свою вѣру. Тогда я отвѣтилъ: «хоть вы зарѣжьте меня, но вѣры не перемѣню. А нужно вамъ сказать, что еще когда нась разлучали, мы дали другъ другу клятву держаться своей вѣры. Послѣ моего отказа текинцы стали меня бить, хотѣли даже зарѣзать, и зарѣзали бы, еслибы хозяинъ не заступилъ: не допустилъ. Съ Петинымъ было то же самое, и онъ отстоялъ свою вѣру. Текинцы не позволяли намъ громко молиться или творить крестное знаменіе, такъ что мы все время молились »нишкомъ« (про себя). Кормили, можно сказать, въ проголодь: больше лепешками; разъ въ недѣлю давали баранину съ рисомъ. Одно утѣшеніе имѣлъ, повидаться съ товарищемъ, отвести съ нимъ душу. Этого не запрещали; ходить по аулъ мы могли, когда вздумается.

Мѣсяца черезъ три нашъ аулъ перекочевалъ въ пески верстъ за 40 отъ прежней стоянки. Во время пути мнѣ скрутили назадъ руки. Какъ только пришли на мѣсто, я узналъ, что Петинъ убѣжалъ отъ своего хозяина. Весь аулъ поднялся на ноги, проѣздили всю ночь, а

утромъ его нашли подъ кустомъ, въ ямѣ. Избивши немилосердно, Петина привели назадъ, послѣ чего заковали въ тройныя кандалы, на-глухо. Еще хорошо, что онъ догадался унести съ собой свои путы; брось онъ ихъ гдѣ-нибудь по дорогѣ, его бы убили. На другой день я навѣстилъ Петина: ихъ кибитка стояла верстахъ въ двухъ отъ нашей. Поговорили, помолились вмѣстѣ, я его утѣшалъ, совѣтовалъ надѣяться на помощь Божію. Петинъ признался мнѣ, что хотѣлъ украсть у хозяина лошадь, да не могъ, потому что лошади у нихъ всегда прикованы на ночь: ну, а пѣшій далеко ли уйдешь? — Такъ какъ на новой стоянкѣ вода была далеко, верстъ десять, то мнѣ оставалась одна работа — собирать топливо. Хозяинъ мой сталъ ко мнѣ, какъ будто, добрѣ: «живи у насъ, говаривалъ, прійми нашу вѣру»... Какъ тутъ прошелъ радостный слухъ, что насъ хотятъ откупить. А скоро слухъ сталъ сбываться. Пріѣхалъ въ нашъ аулъ Тыкма-сардаръ, должно быть, выкупилъ меня у хозяина и повезъ съ собою. У него я встрѣтился съ канониромъ Пантишинымъ, тоже, значитъ, выкупили. Сейчасъ меня расковали; работы не давали никакой, развѣ нарубиши дровъ или напоишь верблюдовъ; кормили же вволю: верблюжье молоко, баранина, лепешки, кукуруза... Такъ проболтались мы недѣли три, пока шли переговоры, какимъ путемъ насъ отправить. Наконецъ, Тыкма-сардаръ вырядилъ насъ со своимъ сыномъ въ другое, дальнее кочевье; сюда выѣхалъ на встрѣчу туркменъ, высланный начальствомъ. Онъ привезъ намъ шинели, сапоги, рубахи, штаны, чаю, сахару — все это прислалъ нашъ добрый командиръ, полковникъ Гайтиновъ. Послѣ трехъ дней похода мы прибыли въ Чатъ, гдѣ на встрѣчу намъ вышелъ весь лагерь... И радость же была великая!»

Судьба Петина и его товарищѣй была много лучше, чѣмъ другихъ плѣнниковъ: иныхъ перепродавали изъ кибитки въ кибитку, пока не зачахнетъ бѣднага; другихъ приневоливали принять магометанскую вѣру или же убивали за попытку къ бѣгству. Никакая великая держава не могла потерпѣть такого безчинства; къ тому же и персіяне умоляли Государя Императора унять те-

кинцевъ... По Его повелѣнію небольшой русскій отрядъ двинулся въ 1879 году въ Ахалъ-текинскій оазисъ, подъ начальствомъ храбраго кавказскаго генерала Лазарева. Однако, этотъ походъ не удался: попали съ малой силой, думали, что съ текинцами такъ же легко справиться, какъ и съ обыкновенными »халатниками«. — Такъ наши привыкли называть жителей серединной Азіи. — Во время перехода черезъ пустыню много верблюдовъ передохло отъ изнуренія, солдаты стали болѣть, самъ Лазаревъ умеръ... Все-таки отрядъ бодро шелъ впередъ и, приблизившись къ главной текинской крѣпости, кинулся на штурмъ. Текинцы отбились: ихъ было, по меньшей мѣрѣ, тысячу десять, а нашихъ всего три. Это все было ничего, но защитники оказались не простыми »халатниками«, а храбрыми бойцами, готовыми умереть за свою свободу. »Текинецъ«, говорить ихъ пословица, »не любить тѣни дерева, не терпить покрова власти«... Стдить только припомнить два случая съ текинцами, о которыхъ разсказано раньшѣ. Нашъ отрядъ тотчасъ же двинулся въ обратный путь, причемъ отступалъ въ такомъ порядкѣ, такъ грозно, что текинцы не посмѣли его преслѣдовать. Тутъ и текинцы могли видѣть, что имѣютъ дѣло не съ персіянами: тѣ разбѣжались бы, какъ овцы.

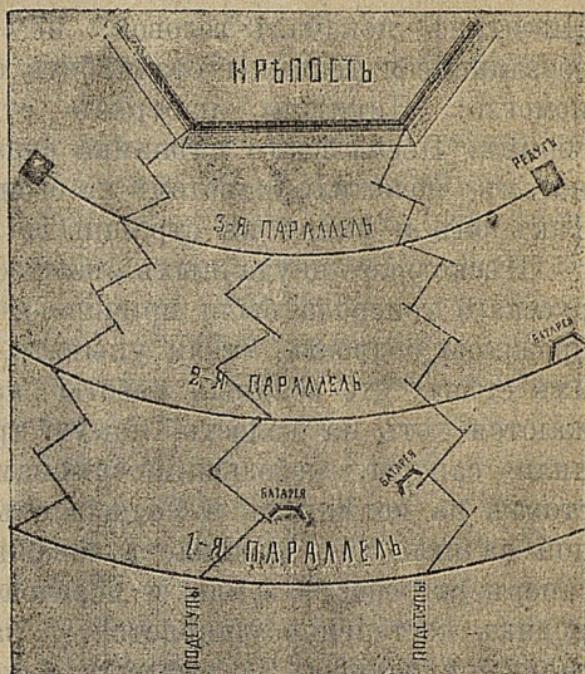
На слѣдующій годъ былъ составленъ новый отрядъ, гораздо болѣе сильный, начальство надъ которымъ Государь Императоръ поручилъ Скобелеву. Уже самое назначеніе Скобелева показывало, что на текинцевъ стали смотрѣть иначе, чѣмъ прежде: въ нихъ стали видѣть врага, съ которымъ не стыдно помѣриться силами. Скобелевъ повелъ дѣло иначе. Онъ заранѣе подготовилъ запасы продовольствія, фуражъ (сѣно, овесь), боевые припасы (патроны для ружей, снаряды для пушекъ, порохъ), инструменты для копанія земли; приказалъ согнать побольше верблюдовъ и, прежде чѣмъ приступить къ главному гнѣзду текинцевъ, занять на половинѣ пути небольшую покинутую непріятелемъ крѣпостцу. Она должна была служить, что называется, опорнымъ пунктомъ, гдѣ можно сложить запасы, держать больныхъ, куда

могло укрыться въ случаѣ неудачи. Опять же, приблизившись къ Денгиль-тепе, Скобелевъ не сразу пошель штурмовать эту крѣпость, а началъ правильную осаду, т. е. сталъ приближаться къ ней издали, при помощи траншей. Траншеями въ осадной войнѣ называютъ рвы съ насыпями, обращенными къ сторонѣ непріятеля; они прикрываютъ людей отъ выстрѣловъ съ крѣпости. Хотя осада крѣпости и тяжела, и медленна, зато болѣе надежна чѣмъ атака съ мѣста, особенно, когда имѣешь дѣло съ храбрымъ и многочисленнымъ гарнизономъ. Послѣ оказалось, что въ крѣпости собрался весь текинскій народъ, до 40 тысячъ бойцовъ, — сила внушительная. У насть было почти вчетверо менѣше, но имѣлось въ виду, что текинцы не искусны въ военномъ дѣлѣ: это тоже много значить...

Саженъ за 350 отъ крѣпости наши вырыли одну длинную траншею, съ загибами внутрь, похожую на такое положеніе, когда человѣкъ, завидя друга-пріятеля, вытянетъ свои руки, чтобы его обнять. Такія длинныя траншеи, обнимаящія крѣпость съ какой-нибудь стороны, называютъ параллелями. Отъ самой дальней, или 1-й параллели повели короткія колѣнчатыя траншеи, направляя ихъ прямо на крѣпость, потомъ ихъ соединили второю параллелью, а саженъ за сто отъ крѣпости выкопали послѣднюю, 3-ю параллель. Этимъ способомъ какъ бы сжимали крѣпость, приближаясь къ ней все больше и больше. Какъ и во всякой осадной войнѣ, земляной работы было здѣсь много: кромѣ траншей, приходилось копать по концамъ редуты и въ разныхъ мѣстахъ батареи. Редутами называютъ высокія четырехъ-угольныя насыпки, окруженныя рвомъ, въ родѣ маленькихъ крѣпостей, въ которыхъ помѣщаются отряды для охраны рабочихъ. Батареями же называютъ небольшія присыпки, необходимыя для того, чтобы скрытно поставить пушки. — (Смотри примѣрный чертежъ осадныхъ работъ).

Чѣмъ ближе наши подвигались къ крѣпости, тѣмъ отчаяннѣе защищались текинцы. Особенно страшны были ихъ вылазки. Текинцы крадутся, какъ кошки, всегда ночью, быстро, но тихо, а бросаются, точно тигры, сразу.

Идутъ они больше босые, рукава засучены, халаты подобраны, въ рукахъ шашки; у кого нѣтъ шашки — пика или русскій штыкъ; ружей на вылазки не брали. Обыкновенно впереди идутъ самые отчаянные, настоящіе бойцы. Подберутся къ траншѣ, крикнутъ: »Алла! Магома!« и въ тотъ же мигъ пускаютъ въ ходъ шашки. Бѣда зазѣваться! За передовыми бойцами идетъ команда въ родѣ нашихъ санитаръ, обязанность которыхъ — уносить раненыхъ, подбирать убитыхъ. Сзади же всѣхъ крадутся, такъ называемые, аламанщики, или грабители. Въ аламанщики берутъ мальчишекъ лѣтъ 14—15, и грабятъ они ловко: въ нѣсколько минутъ успѣютъ обшарить всю траншею: подберутъ оружіе, раздѣнутъ убитыхъ. Наши, пока не знали текинскихъ сноровокъ, много терпѣли на вылазкахъ. Въ одну ночь текинцы вырѣзали цѣлый батальонъ солдатъ, взяли знамя, пушку, много ружей. Впрочемъ, послѣ этого случая, имъ не было уже такой удачи. Да и Скобелевъ имѣлъ свои сноровки. Онъ былъ изъ тѣхъ военачальниковъ, которые сами наступаютъ, а не ждутъ непріятеля къ себѣ, почему на каждую вылазку отвѣчали или штурмомъ ближайшихъ къ крѣпости построекъ, или же усиленной пальбой по крѣпости. Ни одна изъ вылазокъ не оставалась безъ наказанія. На третій день Рождества текинцы повторили нападеніе. Въ серединѣ траншеи и на правомъ ея флангѣ (концѣ) они

Примѣрный чертежъ осадныхъ работъ.

взяли знамя, пушку, много ружей. Впрочемъ, послѣ этого случая, имъ не было уже такой удачи. Да и Скобелевъ имѣлъ свои сноровки. Онъ былъ изъ тѣхъ военачальниковъ, которые сами наступаютъ, а не ждутъ непріятеля къ себѣ, почему на каждую вылазку отвѣчали или штурмомъ ближайшихъ къ крѣпости построекъ, или же усиленной пальбой по крѣпости. Ни одна изъ вылазокъ не оставалась безъ наказанія. На третій день Рождества текинцы повторили нападеніе. Въ серединѣ траншеи и на правомъ ея флангѣ (концѣ) они

были скоро отбиты, потому что тутъ ихъ ожидали, но на лѣвомъ флангѣ текинцы изрубили караулъ, потомъ бросились на пушку. Артиллеристы были перебиты, кромѣ одного, Агафона Никитина, котораго, вмѣстѣ съ пушкой, потащили въ крѣпость. Ужасно текинцы обрадовались, что имъ удалось захватить живьемъ »топчи-башу«, артиллериста, значитъ. Они думали, что онъ выучить ихъ стрѣлять изъ пушекъ. Весь текинскій народъ собрался смотрѣть на плѣнника. Подали ему гранату и показываютъ на пушку: какъ молъ, ее, заряжать? Агафонъ Никитинъ покачалъ головой: не могу, значитъ. Тогда обозлившіеся текинцы стали бить его плетьми, и это не помогло: Никитинъ наотрѣзъ отказался стрѣлять по своимъ. Несчастнаго плѣнника связали по рукамъ, по ногамъ, положили животомъ на огонь и снова стали бить... Такъ онъ и умеръ въ страшныхъ мукахъ.

Нѣсколько неудачныхъ вылазокъ и настойчивость русскаго генерала были причиной, что текинцы потеряли прежнюю бодрость, стали унывать. Они видѣли со своихъ стѣнъ, что осадныя работы каждый день приближаются хоть на малость. Самую трудную работу исполняли саперы, небольшими смѣнами. Передній саперъ стоитъ на колѣнкахъ и подрываетъ передъ собой земляной валикъ. Онъ начинаетъ обваливаться. Тогда другой саперъ отгребаетъ землю и перебрасываетъ ее наверхъ. Ровикъ постепенно уширяется, а валикъ подвигается все дальше и дальше. За двѣ недѣли подвинулись на столько, что, выглянувши, можно было видѣть непріятельскій ровъ, слышать, какъ текинцы ругаютъ на стѣнѣ русскихъ. Имъ уже нельзя теперь стрѣлять, какъ, бывало, прежде, прикрываясь высокой стѣной, а надо высовываться крѣпко впередъ. Наши же стрѣлки только этого и ждутъ: сидѣть въ траншѣ съ ружьями и смотрѣть въ оба. Кромѣ этихъ, обыкновенныхъ осадныхъ работъ, Скобелевъ приказалъ подвести подъ непріятельскую стѣну мину. Шагахъ въ 80-ти выбрали площадку и начали копать подземную галлерею. У самаго входа была поставлена машина, которая при помощи длиннаго кожанаго рукава вгоняла въ галлерею чистый воздухъ. Особые рабочіе безостановочно

вертѣли рукоятку колеса: машина гудитъ, колеса визжать подъ сильными руками солдатъ. А въ галлереѣ темно и тѣсно, какъ въ могилѣ; можно двигаться только на четверенькахъ; въ концѣ галлереи свѣтится огонекъ: тамъ работаютъ застуны, лопаты, стучать кирки. Вдоль всей галлереи сидятъ солдаты и передаютъ другъ другу мѣшки съ землей; послѣдній, который сидитъ у входа, выкидываетъ мѣшокъ наверхъ, а тамъ ужъ другое его подхватятъ и ссыпятъ на валъ. Работа кипитъ: всѣ обливаются потомъ, духота страшная, свѣчи оплываютъ... Галлерею вели съ такимъ разсчетомъ, чтобы ея конецъ пришелся подъ непріятельской стѣной, на двѣ сажени ниже.

Послѣ вылазки 4-го января много убитыхъ текинцевъ осталось между нашими передовыми траншеями и непріятельскимъ рвомъ. Трупы начали гнить, заражая воздухъ несноснымъ смрадомъ. Скобелевъ послалъ полковника Юмудскаго, родомъ туркмена, заключить перемирие для уборки тѣлъ. У насъ выкинули бѣлый флагъ, штабъ-трубачъ заигралъ »отбой«; всѣ трубачи отряда тотчасъ подхватили этотъ сигналъ, и долго онъ наигрывался, пока не утихла пальба. Съ нашей стороны вышло для переговоровъ три человѣка и со стороны текинцевъ трое. Обѣ партии усѣлись одна противъ другой, какъ разъ по серединѣ между рвомъ и нашимъ редутомъ. По обычай азіятцевъ, спросили другъ друга о здоровье, послѣ чего Юмудскій объявилъ, что генералъ Скобелевъ, уважая храбрый текинскій народъ, согласенъ дать два часа на уборку тѣлъ. Въ отвѣтъ на эти слова, съ крѣпостной стѣны, гдѣ собралось множество народа, раздались крики: »намъ не надо ихъ! И такъ валится въ крѣпости довольно этихъ собакъ!« Убитые были больше изъ сосѣднихъ кочевьевъ, жители которыхъ недавно покинули крѣпость, чѣмъ текинцы остались недовольны. Между тѣмъ, пока шли переговоры, народа на стѣнѣ все прибывало да прибывало. Въ высокихъ барабаныхъ шапкахъ, въ разноцвѣтныхъ халатахъ текинцы выглядѣли ботатырями. Почти у каждого въ рукахъ тяжелая кривая шашка изъ превосходной дамасской стали;

рукоятка пашки — роговая, ножны деревянныя. Ружья у текинцевъ старинныя, больше кремневыя, изъ которыхъ они стрѣляютъ не такъ, какъ наши, а съ подставки. И хорошо стрѣляютъ. Между толпами текинцевъ похаживалъ въ красномъ халатѣ, съ копьемъ въ рука, Мурадъ-ханъ. Онъ громко покрикивалъ: »не смѣть стрѣлять по русскимъ. Кто выстрѣлитъ, тому смертная казнь!« — И съ нашей стороны толпы любопытныхъ покрыли всѣ ближнія насыпи. Первый разъ послѣ трехъ недѣль осады враги смотрѣли добродушно одинъ на другого. Послышались шутки, веселые разговоры, зазыванье въ гости. Текинцы въ отвѣтъ улыбались и звали шапками къ себѣ въ крѣпость.

— Вы бы лучше бросили воевать, говорили наши, кто умѣлъ по-татарски: Бѣлый Царь силенъ! Вамъ нельзѧ съ нимъ бороться. Лучше сдайтесь: генералъ помилуетъ. — Текинцы ничего не отвѣчали. Въ это время генералъ Скобелевъ прошелъ траншеями къ переднимъ работамъ, откуда оставалось до рва не болѣе 30 шаговъ, и внимательно осмотрѣлъ стѣну. Съ нашей вышки успѣли зачертить планъ крѣпости и когда сдѣлали примѣрный разсчетъ, сколько она можетъ вмѣстить кибитокъ, вышло, что ихъ должно быть 15 тысячъ. По окончаніи уборки текинцы сказали Юмудскому: »ну, теперь ступай, да хранитъ тебя Аллахъ! Стрѣлять будемъ.« — Какъ только халаты текинцевъ скрылись за стѣной, было сдѣлано 3 выстрѣла на воздухъ, а потомъ пошла обычная пальба.

Подступы съ нашей стороны становились все ближе и грознѣе. Неустанная пальба изъ ближнихъ батарей приходила въ отчаяніе текинцевъ. Днемъ и ночью летѣли со свистомъ гранаты, поднимались крутою дугою бомбы — и все это лопалось среди крѣпости, распространяя кругомъ смерть множествомъ осколковъ. Много текинцевъ было убито, еще больше переранено, потому что по скученности народа ни одинъ снарядъ не пропадалъ даромъ. Повременамъ съ крѣпостныхъ стѣнъ, раздавались крики: »смотрите получше! Видите, урусь роется, точно свинья. Это не къ добру: смотрите и слѣдите!« — Съ наступленіемъ ночи муллы и предводители обходили те-

кинцевъ, распаляя въ нихъ ненависть къ русскимъ: »не спите по ночамъ, не проводите время въ праздности, теперь надо драться!.. Бросимся же на гяуровъ, сомнемъ ихъ, отнимемъ пушки у этихъ собакъ... Великъ Аллахъ и Магометъ Его пророкъ: да будетъ благословенно наше оружіе!«

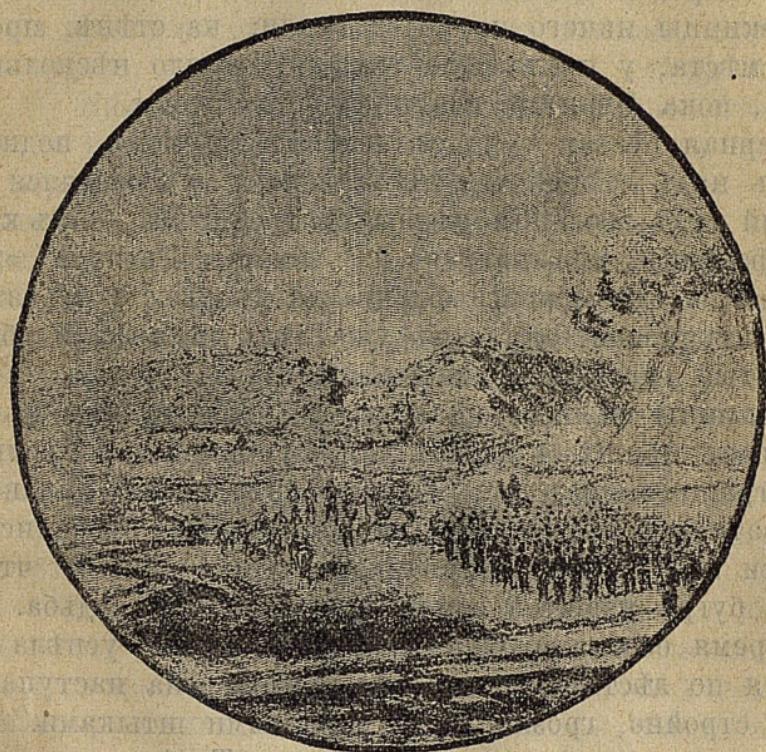
На третій день послѣ Крещенія открыли пальбу изъ особой батареи, которая должна была сдѣлать брешь, или проломъ въ стѣнѣ, чтобы удобнѣе подниматься штурмующимъ колоннамъ. Стѣна оказалась довольно толстой, до пяти саженъ, частью изъ битой глины, частью изъ земли; черезъ два часа безостановочной пальбы глина стала обваливаться, засыпая крѣпостной ровъ, и скоро брешь обозначилась довольно широкимъ обваломъ. Не смотря на жестокій огонь, тикинцы исправляли стѣну на нашихъ глазахъ. Всльдѣ за гранатой то мелькнетъ лопата, то опустится корзинка съ землей. Многіе изъ нихъ тогда поплатились за свою отвагу. Но больше всего Скобелевъ разсчитывалъ на дѣйствіе мины. Тикинцы не имѣли понятія о подземной войнѣ и хотя догадывались, что русскіе идутъ подкопомъ, но думали, что мы этимъ путемъ хотимъ попасть въ крѣпость. Они съ нетерпѣніемъ ждали, что вотъ-вотъ гдѣ-нибудь покажется изъ земли голова уруса: они ее отсѣкутъ — и дѣлу шабашъ. — Главная галлерея оканчивалась подъ стѣной особой камерой (помѣщеніемъ) для закладки пороха. Теперь рабочіе, сидя въ галлерѣѣ, передавали, какъ прежде землю, мѣшкі съ порохомъ. Когда втиснули 80 пудовъ, въ одинъ изъ мѣшковъ всунули горючій запалъ, отъ которого проложили вдоль галлереи двѣ проволоки. Послѣ всего »забили« камеру, т. е. заложили ее дерномъ, мѣшками съ землей, заставили щитами. Въ разныхъ мѣстахъ осадныхъ работъ были уже приготовлены лѣстницы, туры, или круглые бездонныя плетенки, и сложены фашини, или пучки перевязанного хвороста. Всѣ эти приготовленія указывали на близость штурма. Войска ждали его съ нетерпѣніемъ: солдаты были утомлены трудными работами и караульной службой: днемъ роются въ землѣ, ночью ждутъ вылазки, — и такъ изо дня въ

день, болѣе трехъ недѣль. Скобелевъ назначилъ штурмъ на Татьянинъ день, 12-го января. Весь отрядъ былъ раздѣленъ на четыре части. Полковнику Куропаткину приказано овладѣть большимъ обваломъ, который сдѣлать мина; полковнику Козелкову — идти на артиллерійскую брешь; подполковнику Гайдарову — наступать со своей колонной лѣвѣ осадныхъ работъ, чтобы привлечь на себя часть непріятельскихъ силъ и тѣмъ облегчить дѣйствіе остальныхъ колоннъ; наконецъ, запасныя части, или резервъ, генералъ принялъ подъ свое начальство. — Наканунѣ шелъ небольшой дождикъ, и всѣ боялись, чтобы онъ не затянулся, иначе будетъ трудно взбираться на обвалы. Подъ этотъ дождикъ всѣ войска ахаль-текинского отряда построились къ молебну. Огонь съ крѣпости не утихалъ, но на него никто не обращалъ вниманія; солдаты горячо молились, чувствуя приближеніе той минуты, когда наступаетъ рѣшеніе: кому жить, кому помереть; одному вернуться со славой и честью на родину, другому сложить свои косточки въ безвѣстной чужбинѣ... Послѣ молебна генералъ держалъ рѣчъ. »Братцы-товарищи! говорилъ онъ: ждать дальше нельзѧ. Мы подошли траншеями почти подъ самую крѣпость. Отступить теперь — срамъ, да и невозможно. У насъ подошли всѣ верблюды, перебита большая половина лошадей. Если отступимъ, то должны бросить жестокому непріятелю нашихъ раненыхъ, нашу артиллерію и наши обозы. На такое дѣло не пойдетъ русскій солдатъ. Знайте, что намъ только два выхода: побѣдить или умереть. Такъ побѣдимъ же, братцы, или съ честью ляжемъ здѣсь всѣ за Царя и нашу родину!.. Ура! Ура!«

— Побѣдимъ!.. У-р-р-р-а! У-р-р-р-а! кричали солдаты неудержимо, точно воспрянувъ отъ долгаго сна.

Призывный кличъ полководца поднимаетъ духъ подчиненныхъ: воинъ какъ бы вырастаетъ; онъ предчувствуєтъ, что будетъ праздновать побѣду. И смерть ему не кажется страшной: приди она сейчасъ, онъ встрѣтить ее спокойно, даже радостно, если только знаетъ, что его товарищи тамъ, гдѣ-нибудь наверху, водружаютъ знамя побѣды... И только въ ночной тишинѣ, на-

канунъ битвы, солдатъ вспомнить свою далекую родину, покинутую имъ семью — отца, мать, братьевъ, сестеръ. Онъ мысленно благословитъ своихъ дѣтей, если они у него есть, затѣмъ начнетъ точить штыкъ или шашку; послѣ всего вынетъ чистую рубаху и, одѣвшись въ бой, точно на праздникъ, станетъ прислушиваться, не слыхать ли команды: »вставай! Становись къ разсчету!« Онъ теперь весь принадлежитъ Государю, пославшему

Видъ обвала.

его исполнить свой долгъ... Такъ провели ночь и войска текинскаго отряда наканунъ кроваваго штурма.

Въ три часа утра войска начали расходиться по своимъ мѣстамъ. Текинцы замѣтили это передвиженіе и участили пальбу. Въ $10\frac{1}{2}$ часовъ дали знать генералу, что мина готова.

Отрядъ Куропаткина уже весь въ сборѣ; онъ ждѣтъ только взрыва и готовъ кинуться по этому сигналу.

Тамъ, на лѣвомъ флангѣ, брешь-батарея съ остервенѣніемъ рвѣтъ землю, уширяя брешь для колонны Козелкова. Она также на лицо, скрытая въ траншеяхъ.

— Поручикъ Чернякъ, крикнулъ завѣдующій работами, глядя на часы: — приготовьтесь! Тридцать секундъ осталось ждать...

Поручикъ Чернякъ держитъ въ рукахъ концы проволокъ.

— Взрывайте!

Текинцы ничего не подозрѣвали: на стѣнѣ, противъ этого мѣста, у нихъ было тихо... Прошло нѣсколько секундъ, пока Чернякъ соединилъ проволоки.

Черная густая туча съ легкимъ шумомъ поднялась вверхъ надъ стѣной; дрогнула земля, и раздался подземный гулъ; большія глыбы съ грохотомъ, какъ каменный фонтанъ, посыпались на землю. Грозное »ура!« пронеслось отъ праваго фланга до лѣваго, а черезъ минуту штурмовой батальонъ уже лѣзъ на свѣжій обвалъ, покрытый густымъ облакомъ пыли.

Текинцы сначала ошалѣли отъ взрыва; имъ въ первый разъ пришлось видѣть или, лучше сказать, испытать это страшное средство. Однако они скоро оправились и схватились за ружья; самые удачные бросились въ шашки на встрѣчу ширванцамъ. Они поняли, что на этомъ бугрѣ изрытой земли решается ихъ судьба. Но въ это время особая охотничья команда уже успѣла подняться по лѣстницамъ правѣе обвала; она наступала съ боку, стройно, грозно, съ опущенными штыками. Ширванцы развернули свое знамя... — »Турѣвъ сюда подавай! орудіе, орудіе сюда!« кричали солдаты сверху. Саперы протискались впередъ, расчистили вѣзѣдъ для орудія, поставили, какъ первое прикрытие, туры и набросали мѣшковъ съ землей. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Артиллеристы потащили туда пушки. Какъ только ихъ поставили, обвалъ считался занятымъ; защитники, незнакомые съ правилами осадной войны, не позаботились заранѣе приготовить сильные резервы... Съ высоты свѣжаго обвала наши увидѣли внутренность крѣпости. За стѣной тянулся небольшой внутрен-

ний ровъ, а за нимъ цѣлое море кибитокъ и врытыхъ землянокъ, одна возлѣ другой. Между кибитками шла кривая, но широкая улица къ холму, о которомъ упомянуто раньше. Между дальними кибитками тѣснились въ яркихъ халатахъ толпы текинцевъ, ихъ испуганныя семьи, бараны, телята. Перекатная трескотня ружей, взрывы лопавшихся гранатъ, замиравшіе крики текинцевъ, вопли женщинъ и побѣдные возгласы русскихъ солдатъ — вотъ что представляла изъ себя въ тѣ минуты крѣпость, окутанная густымъ дымомъ, пропитаннымъ гарью, съ противнымъ запахомъ тлѣвшаго войлока. — Наконецъ отрядъ Куропаткина сталъ спускаться внизъ и пошелъ дальше, пролагая путь къ кургану подъ музыку, съ барабаннымъ боемъ.

Такъ же успѣшно было занятіе бреши или обвала, сдѣланнаго артиллерией. Поручикъ Поповъ первымъ поднялся наверхъ, но раненый скатился внизъ. Текинцы громко кричали: »Алла! Магома!« размахивали шашками, кололи длинными пиками, швыряли камнями... Потребовалась помощь. Генераль самъ хотѣлъ вести 3-й батальонъ Ашшеронскаго полка, но его не допустили. Батальонъ повелъ сѣдой кавказецъ, подполковникъ Поповъ. Одинъ изъ его сыновей скончался отъ раны прежде, теперь мимо старика провели подъ руки другого сына. Обнялъ его сѣдой воинъ и бодро пошелъ дальше. Подавленные силой, текинцы кидались въ разныя стороны, то къ обвалу, то къ бреши; бросались въ надеждѣ удержать русскихъ, но все было тщетно: они наступали теперь сомнѣтымъ строемъ, сломить который могли только такія-же стройныя части. Текинцы бѣжали толпами въ разныя стороны; вся окрестность покрылась бѣглецами, за которыми рысѣли на своихъ изнуренныхъ лошадкахъ драгуны и казаки. Только самые отважные бойцы еще продолжали собираться въ кучки вокругъ своихъ батарей и знаменосцевъ. Для этихъ свободы была дороже жизни, и всѣ они погибли смертью храбрыхъ.

Толстая высокая стѣна, $2\frac{1}{2}$ саж. вверхъ и 5 саж. толщины, окружала кусокъ голой земли, величиною прибѣрно въ сто десятинъ. Текинцы такъ были увѣрены

въ силѣ крѣпости, что собрали здѣсь всѣ свои семьи, часть скота, весь домашній скарбъ и богатства. Много накопили они золота и серебра, добытаго наѣздами въ Хиву, Бухару или же на персидскую границу: все это было скрыто въ крѣпости. Въ каждой кибиткѣ солдаты находили болѣе расшитые мѣшкѣ съ мукой или зерномъ, женскія прялки, лопаты, чугунные котлы и таганы, овчины, кожи, превосходные ковры, шелковые халаты, женскіе уборы изъ серебра и бирюзы, сердоликовъ, коралловъ или разныхъ монетъ. Мѣшкѣ съ деньгами текинцы припрятали въ землю незадолго до штурма. Почти возлѣ каждой кибитки блеяли бараны, мычали телята. Солдаты получили разрѣшеніе брать, что хотятъ, кромѣ фуража и хлѣба: то и другое должно было поступить въ казенные склады.

Чѣмъ ближе подвигались войска къ кургану, тѣмъ тѣснѣе и тѣснѣе стояли кибитки. По временамъ оттуда раздавались одиночные выстрѣлы послѣднихъ защитниковъ. Солдаты, разбившись на кучки, разыскивали виновныхъ, при чемъ вышвыривали разноцвѣтные ковры, связки дорогаго шелку, посуду или тяжелые мѣшкѣ съ зерномъ. Они были озлоблены противъ текинцевъ, что всегда бываетъ послѣ долгой осады или упорной обороны. Блѣдныя, заплаканныя текинки съ кучами дѣтей метались въ разныя стороны, не зная, гдѣ пріютиться. Они бросались на колѣни, жалобно взывая къ офицерамъ: »аманъ ага! Аманъ ага!« (пощади, господинъ). — Конечно, ихъ не трогали.

Вотъ, наконецъ, и высокій курганъ, »Денгиль тепе«, на вершинѣ котораго ханы держали совѣты; его крутыя бока служили кладбищемъ, что обозначалось множествомъ могилокъ съ воткнутыми флагжками изъ цвѣтныхъ лоскутьевъ и четокъ. Въ 3 ч. пополудни на вершинѣ холма былъ торжественно водруженъ императорскій штандартъ: осѣняемая имъ крѣпость присоединялась навсегда къ русской державѣ. — Въ тотъ же день небольшіе русскіе отряды выступили дальше въ степь, для занятія менѣе важныхъ и послѣднихъ уѣздищъ текинскаго народа. Они сдавались безъ сопротивленія.

Въ недавней борьбѣ текинцы потеряли своихъ храбрѣйшихъ батырей, истощили запасы пороха, лишились оружія, а, между прочимъ, наступало время посѣвовъ. Ждать помощи они не могли, потому что друзей не имѣли, наживая до сихъ поръ лишь враговъ. Оставалось одно: смириться. Такъ они и сдѣлали. Даже муллы, — эти главные зачинщики, — пустили въ народъ молву, что русскимъ присуждено теперь Аллахомъ за-воевать на время весь край. Они говорили, что послѣ овладѣнія »неприступной и Богомъ хранимой крѣпости« ничто не можетъ остановить солдатъ Бѣлаго Царя. Но настанетъ время, когда, во имя пророка, сплотятся всѣ туркмены и выгонятъ гяуровъ изъ святой земли... Такъ говорили муллы, а сбудется ли ихъ предсказаніе, одному Богу извѣстно. Пока же народы Средней Азіи, живя въ мирѣ и довольствѣ, благословляютъ кроткую, сильную и въ то же время справедливую державу Бѣлаго Царя.

К. К. Абаза.